

Вскоре группа всадников увидела вдалеке флаги, развевающиеся над пристанью, и четыре пришвартованных к берегу огромных корабля, которые ждали приезда своего нового хозяина.

Увидев эти корабли, Фэн Мин громко вскрикнул от восхищения.

— Эти корабли действительно мои? — обернувшись, спросил он у Жун Тяня. Было видно, что юноша до сих пор не мог поверить в случившееся.

Одного трапа, что соединял берег и борт корабля, было достаточно, чтобы понять, насколько редким и дорогим являлось это судно. На нём с двух сторон красовались великолепные гравюры с изображениями птиц и цветов, что были покрыты огромным слоем лака, который заставлял дерево сверкать в солнечных лучах.

Наступать и ходить по такой красоте как минимум преступление!

Если в этих древних веках тоже можно присуждать количество звёзд, то этот находящийся перед глазами корабль несомненно является шестизвёздочным.

Но самое удивительное, что этот шестизвёздочный корабль является всего лишь одним из четырёх.

Ах, четыре корабля!

— Это лишь малая часть, всего их тридцать три. — глядя на чуть не уронившего челюсть Фэн Мина, Жун Тянь слегка улыбнулся: — И, конечно же, вдобавок к этим кораблям есть ещё куча лодок. Ведь большим кораблям нужна глубина, поэтому они могут плавать лишь по таким огромным рекам, как река Оман. В малых же речушках, которые могут встретиться на нашем пути, без лодок никак не обойтись.

На что Фэн Мин фыркнул и сглотнул.

И лишь сейчас князь понял, как здорово иметь богатого и могущественного отца.

— Кажется, дело моего отца процветает, — пробормотал Фэн Мин себе под нос, обернувшись и обведя взглядом роскошную палубу. — Хм, интересно, хорошая ли прибыль от судового сплава?

К кораблям шла ещё и целая команда, в которую входили самые талантливые и умелые люди, раньше служившие господину Сяо, а сейчас — Фэн Мину. Из всей команды выделялся один мужчина невысокого роста, по-видимому, их начальник, которого звали Ло Дэн. После того как Фэн Мин и вся его банда ступили на борт, Ло Дэн стал второй тенью князя. Ведь как-никак он нёс ответственность за Фэн Мина, который от удивления и радости везде совал свой любопытный нос.

Услышав вопрос Фэн Мина, Ло Дэн ответил:

— Возвращаясь к словам молодого господина, прибыль действительно хорошая.

— И конкуренция, наверное, жёсткая?

— Конкуренция?

Фэн Мин пояснил:

— А-а, я хочу сказать, между другими торговцами судоходного дела.

Наконец-то поняв, о чём говорит Фэн Мин, Ло Дэн улыбнулся и сказал:

— Мы единственные, кто занимается торговым судоходством, других больше нет. Не считая нас, только у императорской семьи и знати есть огромные корабли, но которые предназначены не для торговли, а лишь для осмотра территорий. Все торговцы мира, если у них есть товар, который следует переправить по реке, обращаются к нам. Конечно же, маленькие лодки и паромы, которые кормят своих владельцев, не в счёт, так как мы не настолько алчные, чтобы конкурировать с теми, кто пытается заработать себе на еду.

Фэн Мэн был поражён до глубины души, услышав этот ответ.

Ну разве это не уникально? Да это же монополизированная отрасль... Неудивительно, что дела Сяо Цзуна процветают.

Но, как ни странно, никто не требовал разделить чашу отвара[1].

Поглядев на озадаченное лицо Фэн Мина, Жун Тянь сразу понял, что его любимого Феникса мучает один вопрос. И, растянув губы в гордой улыбке, мужчина произнёс:

— Ты не должен переживать за судоходное дело господина Сяо. Ведь даже императорская семья боится гнева Мастера, да и кто осмелится под страхом смерти связываться с ним и отнимать у него работу?

— А-а! — Фэн Мин, внезапно поняв, кивнул.

Кажется, его отец не только самый богатый владелец судоходного дела, но и самый настоящий тиран.

Если бы его отец жил в современном мире, то непременно стал бы «крёстным отцом» мафии.

И пока Фэн Мин узнавал, насколько богат и влиятелен Сяо Цзун, несколько человек, проследовав за Ло Дэнем, поднялись на борт и встали в полукруг. Людям пришлось рано вставать и выдвигаться в путь, который оказался долгим и тяжёлым. Поэтому неудивительно, что все были вымотаны. Как только они оказались на борту корабля, Цю Лань подошла к Его Величеству и поинтересовалась, как быть с ночлегом и где им располагаться.

Подумав об этом, Фэн Мин с огорчением сказал:

— Я думаю, что чем больше людей, тем веселее. Однако Её Величество всё ещё злится на нас, и я не знаю, согласится ли она остаться с нами на корабле или нет.

Похоже, что Жун Тяня мучил тот же вопрос, что и Фэн Мина. Подумав немного, мужчина понял, что не имеет права говорить за свою мать. Поэтому он приказал Цю Син сходить и узнать у вдовствующей императрицы, присоединится ли она к ним или поплывёт на другом корабле.

Что же касается самого неугомонного члена банды, то есть Ле-эра, то как только они оказались на борту корабля, юноша сразу схватил Юн И и утащил его «на экскурсию по кораблю». Вскоре эта парочка вновь вернулась, и Ле-эр с довольной мордашкой заявил:

— Я нашёл отличное местечко.

— Ты и Юн И решили, в какой комнате будете жить? — спросил Фэн Мин.

— Нет, хи-хи, — очень озорно засмеялся Ле-эр. — Я нашёл маленькую, но хорошо проветриваемую комнату. И самое приятное: в ней есть огромная кровать, которая как раз подойдёт для моего старшего брата и Цю Лань.

Толпа сильно удивилась. Но после, поняв, на что намекает Ле-эр, все дружно рассмеялись.

Все, кроме Цю Лань, которая была ужасно зла:

— Ле-эр, я тебя никогда не обижаю, так почему же ты вечно смеёшься надо мной?

Жун Тянь тоже смеялся, давая понять, что он солидарен с Ле-эром. Но вскоре улыбка на его лице померкла, а сам мужчина уже с более серьёзным видом обратился к Жун Ху:

— Как ты себя чувствуешь?

После этих слов Жун Ху тотчас же превратился в мишень, притягивая к себе взгляды окружающих, которые выжидающе смотрели на него.

Сам же Жун Ху не был таким дерзким, как его младший брат, а в отношении к Цю Лань, сильно разнервничался и, находясь рядом с Цю Лань, стал больше напоминать пенёк. Немного помолчав, юноша проямлил:

— Думаю... мне... уже лучше...

— Думаешь?!

— Мне лучше... — запинаясь, пробормотал Жун Ху. Но вскоре после недолгого молчания он глубоко вздохнул и, наконец набравшись смелости, сказал: — На корабле мало места, и многим придётся делить комнату с кем-то ещё, потому что свободных комнат не так уж и много.

Ле-эр фыркнул и, даже не поглядев на лицо брата, залился смехом.

Вскоре все, кто был на борту, тоже рассмеялись, присоединяясь к нему.

От такого Цю Лань стало совсем неловко. Да так, что она не могла ни сесть, ни стоять. Единственное, что она могла сделать, — это тихо протянуть руку и начать тереть рукав Жун Ху, который стоял рядом.

Фэн Мин, поглаживая дрожащий живот, проговорил, задыхаясь:

— Цю Лань, перестань тереть рукав, мы уже обо всём позаботились. На корабле действительно мало комнат, так что вы двое будете жить вместе и, возможно, отведёте мне комнату, в которой я смог бы отдохнуть... Ой, Жун Тянь, я не могу больше смеяться, держи меня. — От смеха ноги стали мягкими, и юноша облокотился на Жун Тяня.

Оказывая поддержку Фэн Мину в виде объятий, Жун Тянь спокойно сказал:

— Я разрешаю тебе провести свадебную церемонию, на небе ни тучки и луна, думаю, будет просто великолепно, как раз для брачной ночи. Поэтому нельзя терять ни минуты, скорее иди и всё подготовь к церемонии.

От этих слов Цю Лань ещё больше засмушалась. Жун Ху, чувствуя, как ей неловко, поглядел на девушку и осторожно прошептал:

— Если ты не хочешь, то я могу поговорить с Его Величеством...

— Что значит «не хочет»? Цю Лань мечтает выйти за тебя замуж. Причём так мечтает, что у неё даже слюнки текут! — Цю Юэ, подскочив, встала между парочкой и, потянув Цю Лань за руку, зашебетала: — Идём, я помогу тебе переодеться. Корабль Мастера Сяо такой потрясающий, тут даже есть специальная комната с шёлком и украшениями. Если мы тебя не

возьмём в свои руки и не нарядим, то князь Мин этого и подавно не сделает!

Чуть ли не плача Цю Лань воскликнула:

— Цю Юэ, перестань создавать шум... И слюнки у меня не текут... — жаловалась девушка, невольно следуя за подругой.

Как только Цю Лань ушла, Жун Ху, этому почти новоиспечённому жениху, стало совсем неловко. Поглядев на недобрую улыбку Ле-эра, юноша вновь перевёл взгляд на Жун Тяня и уступчиво спросил:

— Ваше Величество...я... я тоже пойду подготовлюсь.

Жун Ху уже собирался улизнуть, но его неожиданно схватил Ле-эр и ликующе объявил:

— Я самый опытный в этом деле, так что иди за мной. У Юн И есть куча пилюль, идём повыбираем.

Обвив одной рукой талию Фэн Мина, Жун Тянь сказал Ле-эру вслед:

— И мне тоже прихватите парочку штук.

Услышав это, Фэн Мин, чуть ли не падая от страха, громко пригрозил:

— Ле-эр, если ты принесёшь ему эти пилюльки, то я сам запихну тебе их в рот и заставлю съесть.

— Я и не против, но ведь потом Юн И будет плакать, разве это правильно? — хохотнув, бросил Ле-эр и, утягивая за собой Жун Ху, скрылся из виду.

В этот момент распахнулась дверь, в комнату вошла Цю Син и стала докладывать:

— Её Величество сказала, что ей нравится тишина и покой, поэтому она выбирает самую дальнюю комнату на другом корабле... Ах! А куда все подевались? И где Цю Юэ?

Фэн Мин рассмеялся и рассказал Цю Син обо всём, что произошло, пока её не было.

Удивлённая и счастливая Цю Син радостно захлопала в ладоши:

— Я боялась, что на корабле будет ужасно скучно, но сейчас я так не думаю, ведь мы теперь

будем дразнить Цю Лань и Жун Ху — этого будет достаточно, чтобы развеять скуку. Ха-ха, я тоже хочу пойти и помочь Цю Лань переодеться. А где находится эта комната с шёлком и драгоценностями?

Ей пришёл на помощь Ло Дэн, который быстро расписал дорогу к этой комнате.

Фэн Мин, впервые в жизни чувствуя себя настолько богатым и влиятельным, со всей щедростью произнёс:

— Всё равно на корабле шёлком и драгоценностями пользуются как попало. Поэтому если Цю Лань, тебе и Цю Юэ так нравится наряжаться и носить драгоценности, то можете брать и делать с ними всё, что захотите.

Цю Син несколько раз кивнула в ответ и радостно убежала.

Ло Дэн сказал:

— Я никак не ожидал, что в первый же день прибытия молодого господина нас будет ожидать такое большое событие. В таком случае корабль тоже необходимо украсить, чтобы было хоть чуточку веселее и праздничнее. Пойду и распоряжусь, чтобы всё подготовили к церемонии, а потом снова приду сюда и помогу молодому господину, — мужчина низко поклонился.

Оглядевшись вокруг, Фэн Мин перевёл взгляд на Жун Тяня и сказал:

— Отлично! Остаются лишь два бездельника — это мы с тобой. Чем займёмся?

Двусмысленно поглядев на юношу, Жун Тянь ответил:

— Я тут присмотрел для нас одну просторную комнату, и, кажется, в ней тоже есть большая кровать. Может, сходим и проверим, удобная она или нет?

— Идём-идём, — кичливо вскинул подбородок Фэн Мин. — Всё равно кое-кто мне кое-что обещал, да и решения я собираюсь принимать, лёжа в кровати. К тому же князь Мин болен, так что ему требуется тщательный уход.

Когда эта парочка лежала на большой кровати и, наслаждаясь жаркими объятиями, нежно целовалась, в комнату ворвался Цзы Янь, как всегда прервав их медовый момент, и, обратившись к Жун Тяню: запросил указания:

— Ваше Величество, тот человек, которого мы спасли... Что прикажете с ним делать?

Фэн Мин проговорил:

— Мы не считаем это спасением, ведь Жун Тянь сказал, что этот человек умеет плавать.

Цзы Янь вновь перевёл свой взгляд на Жун Тяня.

Жун Тянь кивнул, говоря:

— Верно, я воспользовался моментом и неожиданно толкнул его в воду. Хотя у него и получилось тщательно скрыть своё умение плавать, но, застигнутый врасплох, он показал свои скрытые способности.

— То есть этот человек умеет ещё и притворяться?! А я вместе со своими людьми бросился его спасать, — сказал Цзы Янь и с серьёзностью в голосе добавил: — Неужели он является подосланным убийцей?

— Если он подосланный убийца, то он не станет заниматься показухой и специально нас беспокоить. Его слова больше похожи на бред сумасшедшего, но в них есть двойной смысл. Я думаю, будет лучше, если мы от него избавимся.

Фэн Мин кивнул, говоря:

— Угу, будет лучше от него избавиться. Но кто знает, может, он и впрямь талантливый человек?!

Серьёзно поглядев на Фэн Мина, мужчина не удержался и растянул губы в улыбке:

— И как ты узнал, что он действительно талантливый?

Фэн Мин, взъерошив волосы, сказал:

— Я угадал, да? Неужели не угадал?

Цзы Янь, который очень часто сопровождал Его Величество в походах, похоже, тоже страдал тем же, чем и Жун Тянь. Сталкиваясь с проблемой лицом к лицу, молодой генерал становился гораздо старше своих лет. Юноша, задумавшись ненадолго, сказал:

— Если этот человек здесь из-за Его Величества, то значит, он и впрямь не так прост, как кажется. Ведь он не только знает, что мы направляемся в Силэй, но и характеры Вашего Величества и князя Мина. Если бы вместо вас этого «утопленника» увидел кто-то ещё, то навряд ли полез его спасать.

— Мы сможем тихо за ним наблюдать, так что не стоит беспокоиться по этому поводу. Ведь если это лиса, то она свой хвост покажет, — Жун Тянь равнодушно проговорил: — Мы должны быть бдительными. Цзы Янь, когда этот Ле Чжунлю окажется на корабле, позволь ему бродить везде, где только он захочет, а ты тем временем будешь его второй тенью. — Также Жун Тянь сказал, чтобы Цзы Янь передал этот приказ остальной страже и чтобы те вполглаза наблюдали за этим странным Ле Чжунлю, оставаясь всегда начеку.

Солнце медленно скрылось за горизонтом, отдавая свой трон ночи. Как и говорил Жун Тянь, луна светила просто потрясающая, большим и серебряным диском зависнув в ночном небе.

Лунный свет струился по поверхности воды, озаряя борт корабля и позволяя каждому любоваться этим серебряным сиянием.

Сяо Цзун не ошибся, назначив Ло Дэна самым главным на борту. Ведь уже через два часа корабль был красиво украшен, утопая в огнях фонарей и ярко-красных лентах, которые тянулись от каждого деревянного фальшборта.

Оказавшись за порогом своей каюты, Фэн Мин почти не узнал корабль. Увидев всё это яркое волшебство, юноша, ненадолго застыв, со смехом произнёс:

— Это великолепно! Мы можем открыть новое дело. Мы возьмём корабль, специально подготовим его к свадебным церемониям и сможем ездить по всем одиннадцати государствам, с лёгкостью зарабатывая деньги.

Ло Дэн изумился:

— Это хорошая идея. У молодого господина и впрямь торговое дело в крови. — Тотчас же достав маленькую книжечку, что всегда была при нём, и взяв тушь и кисть, он записал слова Фэн Мина.

В этот момент сзади неожиданно раздались крики. Фэн Мин обернулся, чтобы понять в чём дело, и увидел новобрачного. Ле-эр, словно и вовсе не чувствуя под собой ног, шёл впереди, расчищая дорогу старшему брату. Мянью Я и другие сослуживцы, которые были такими же императорскими телохранителями, как и Жун Ху, словно боясь, что тот сбежит, так и не дойдя до места церемонии, толпились вокруг юноши, плотно окружив и тщательно охраняя его.

Жун Ху явно уже подвергся насмешкам от своих товарищей. Неизвестно, что они ему говорили, но от их слов красивый юноша был весь пунцовый, только глаза его в данный момент лучились счастьем.

Направляясь к ним, Фэн Мин громко и живо прокричал:

— Уступите дорогу, уступите дорогу, князь Мин хочет посмотреть, достойно ли выглядит

новобрачный или нет. Если нет, то даже пусть не мечтает о свадьбе на моей дорогой служанке Цю Лань.

На что Мянью Я громко запротестовал:

— Князь Мин слишком несправедлив! Значит, Цю Лань является Вашей дорогой служанкой, а Жун Ху не является Вашим дорогим телохранителем?

Жун Ху стало до смерти неловко, и, толкнув Мянью Я, вымолвил:

— Это ты тут самый дорогой!

Фэн Мин с искренней улыбкой поглядел на него.

Нарядом новобрачного определённо занимался Ле-эр. Сам же наряд был ярко-красного цвета, его кройка была слишком сложной, и лишь на талии его слегка зажимал пояс, но только для того, чтобы подчеркнуть длинные ноги и широкие плечи Жун Ху, придавая юноше достойный вид.

И действительно, Ле-эр выскочил вперёд, прося награды за свои старания:

— Докладываю князю Мину: этот наряд на все времена, я нашёл кое-кого, кто внёс небольшие изменения в него. Ну как, в этом наряде мой старший брат выглядит очень красивым?

Мянью Я решил сунуться не в своё дело и добавить:

— Хоть наряд и выглядит слишком сложным, зато штаны снимаются легко.

Эти слова Мянью Я были настолько откровенными, что почти всем вместе с Фэн Мином стало неловко. К счастью, здесь не было Цю Лань и других служанок.

До крайности смущённый Жун Ху чуть не ударил сослуживца.

Все громко рассмеялись.

— Такое ощущение, что чего-то не хватает... — Терзаясь смутными сомнениями, Фэн Мин отошёл на шаг назад и смерил взглядом Жун Ху. Спустя некоторое время он наконец-то вспомнил, чего могло не доставать.

Он когда-то видел по телевизору, что в древние времена на грудь жениха привязывали сорванный красный цветок гибискуса. Вспомнив об этом, юноша спросил:

— У нас есть большой красный цветок?

Ло Дэн, который был очень ответственным человеком, действительно подошёл к вопросу о свадьбе очень тщательно. Не зная, с какой стороны протиснуться, мужчина произнёс:

— Есть красный цветок, и он уже давно готов. — И мужчина тотчас же отправил слуг, чтобы те принесли его.

Вскоре слуги доставили большой прекрасный цветок, сделанный из шёлка. Посмотрев на него, Фэн Мин вытаращил глаза, которые чуть не выскочили из глазниц.

Кто знает, сколько понадобилось шёлка, чтобы сделать этот красный цветок, но точно не один рулон. И так как он был очень большим, его с трудом держали две служанки, которые и принесли украшение.

Подумав, как Жун Ху будет надевать на себя этот огромный цветок, Фэн Мин не удержался и залился смехом.

Ничего не понимая, все как-то странно поглядели на юношу.

Увидев, что юноша чуть ли не падает от смеха, Жун Тянь встал за его спиной и, слегка потянув за очаровательное ушко, спросил:

— А что смешного в этом красном цветке?

— Слишком... слишком большой... — сказал Фэн Мин, смеясь до слёз. — Как Жун Ху будет носить его, а?

— Э...

Только сейчас все поняли, из-за чего смеялся Фэн Мин.

— Князь Мин посчитал, что этот цветок мы наденем на Жун Ху.

— Молодой господин неправильно всё понял, этот цветок сделали для того, чтобы украсить мачту, — почтительно объяснил Ло Дэн и, подняв палец, указал на самую верхнюю мачту, куда должен был крепиться цветок.

Поняв свою ошибку, Фэн Мин неловко посмотрел на Жун Тяня и проговорил:

— Но как же нам туда поднять этот цветок?

Ле-эр сегодня был очень взволнованным, и, подняв взгляд и поглядев на мачту, с нетерпением потёр руки:

— Я сам повешу его на мачту.

Будучи младшим братом новобрачного, юноша считал это своей необходимой задачей — спорить с ним никто не стал. Лишь Фэн Мин сильно тревожился:

— Такой большой цветок, к тому же мачта высокая, ты справишься?

— А чего бояться? Смотрите.

Сбросив обувь и привязав цветок верёвкой, юноша взвалил его на спину и вдруг, словно обезьяна, стал карабкаться вверх. И уже вскоре, добравшись до макушки мачты, Ле-эр украсил её красным цветком.

После чего под всеобщий гомон спустился на палубу и, с чувством выполненного долга поглядев на собственноручно повешенное украшение, огляделся, спрашивая:

— Почему невеста всё ещё не вышла?

Неизвестно откуда раздался торжественный и взволнованный голос Цю Юэ:

— Идёт! Идёт! Скорее вставайте в очередь, чтобы поприветствовать невесту! — И в одно мгновение в коридор выпорхнули несколько разноцветных струек тумана. Застенчивая Цю Лань, которую наряжали Цю Юэ и Цю Син, сверкала новыми красками. Сёстры же вели за собой несколько очаровательных служанок, которые окружили невесту, словно звёзды луну.

— Должен ли жених вставать в очередь, чтобы поприветствовать невесту?

— Невеста идёт! Невеста идёт!

Мянь Я и остальные солдаты стали громко подшучивать:

— Цю Лань, мы от всего сердца отдаём тебе Жун Ху. У этого парня крепкое тело и неплохие кости, ха-ха, ха-ха, и он является отличной скотиной. — И, не имея чувства преданности, Мянь Я вытолкнул Жун Ху вперёд. На этот раз и Фэн Мин с радостью стал его сообщником.

Парочка, подвергшись многочисленной толкотне, сейчас стояла вместе и выглядела слегка нерешительно. Цю Лань была ужасно напряжена, и ей было неловко брать Жун Ху за руку. Девушке ничего другого не оставалось, как взять за руку Цю Юэ.

Мянь Я и остальные солдаты всё ещё продолжали шуметь, чем сильно разозлили Цю Син, которая, подбоченясь, озлобленно поглядела на них:

— Кто ещё осмелится обидеть Цю Лань, того я не пощажу!

Пока девушка говорила это, новые поздравления лились рекой.

Искренне смеясь, Фэн Мин наблюдал за пререканиями Мянь Я и Цю Син и, мазнув краем глаз, проронил: «Ого!»

Помимо Цзы Яня, на толпу людей тихо смотрел ещё один стоящий в стороне мужчина.

Взор его был прозрачным, брови — слегка блеклые и расправленные и придавали чувство отстранённости. Полудлинные тёмные волосы ниспадали на плечо, однако сам мужчина нисколько не выглядел женоподобно, наоборот, это придавало ему смутный оттенок жестокости.

Фэн Мин нахмурился, размышляя, кем может быть этот мужчина.

Стоящий сзади Жун Тянь прошептал:

— Не ожидал, что такой неряшливый тип, помыв руки и переодевшись, внезапно станет похож на человека.

Стоило услышать эти слова, как Фэн Мин внезапно вспомнил и, не сдержавшись, выпалил:

— Неужели это тот рыдающий и пускающий соплю Ле Чжунлю? — Юноша вновь внимательно пригляделся, улавливая небольшое сходство.

Ароматный запах еды заставил всех оживиться.

Ло Дэн серьёзно поразмыслил, приказав все большие столы, что есть на корабле, перенести на палубу и расстелить пятицветный сатин с бахромой. Служанки непрерывным потоком стали накрывать столы вкусными яствами. с позволения Фэн Мина даже достали разноцветную столовую посуду, что была на корабле.

Фэн Мин ещё раз убедился в том, что его отец был богатым и знатным: одна только столовая посуда была на уровне императорской, винные чарки с рубином, агатом, а о разных драгоценных золотых и серебряных столовых приборах не стоит и говорить.

Мягкого оттенка чашечки привлекли внимание Фэн Мина.

Ло Дэн заметил, что юноша, похоже, не в силах был отвести от этих изделий взгляд, и любезно произнёс, знакомя:

— Эти чашечки очень понравились хозяину, поэтому, вырезанные из чёрного нефрита, который существует лишь в Пяожун, они весьма ценные.

Услышав слова слуги, Фэн Мин спешно поставил чашечку, что до этого вертел в руках, обратно на место и высунул язык:

— Оказывается, это чёрный нефрит. Неудивительно, что они такие красивые. Если разобьётся, то я не смогу возместить ущерб. — Когда-то Жун Ху рассказывал ему про чёрный нефрит, который даже императорская семья Пяожун не могла себе позволить.

Стоящий сзади Жун Тянь беспомощно покачал головой, горько усмехаясь.

Фэн Мин не забывал всё, что мужчина преподавал ему во дворце. Однако этот маленький глупец, который помнил все уроки, всё же забыл, что эти вещи уже принадлежат ему, так что и переживать не стоит о том, чтобы что-то разбить, — даже если это и произойдёт, то будет всего лишь пустяком.

Речной ветер отдавал прохладой, полная луна висела высоко в небе, а с корабля доносился беззаботный смех. Вскоре вкусные яства уже были поданы, и атмосфера свадьбы достигла пика, когда вдруг появилась мать императора.

Все думали, женщина разгневана на государя, и предполагали, что она не придёт. Вопреки ожиданиям, достопочтенная императрица оказала огромную честь Цю Лань и Жун Ху и всё же пожертвовала своим покоем, приплыв на маленькой лодке на празднество.

Жун Тянь и Фэн Мин спешно подскочили и, поддерживая женщину с двух сторон, помогли подняться на корабль.

Новобрачные обступили мать императора и, встав на колени, поблагодарили за милость.

Должно быть, из-за свадьбы мать императора выглядела доброй. Увидев невесту и жениха, женщина улыбнулась и мягко наказала:

— Живите хорошо, а если поссоритесь, Цю Лань может прийти к вдовствующей императрице и пожаловаться. — Женщина легонько хлопнула в ладоши, и приближённая служанка вынесла заранее подготовленный подарок, держа в обеих руках и желая преподнести его невесте.

Оказалось, что это была украшенная рубинами серебряная цепочка, вдобавок там была цветная красивая шёлковая лента.

Мать императора лично повязала шёлковую ленту на голове Цю Лань и, надев на шею цепочку, со смехом добавила:

— Выйти замуж и стать женой — нелегко.

Цю Лань медленно поклонилась и поблагодарила за милость:

— Большое спасибо вдовствующей императрице. — Девушка настолько была растрогана, что её глаза даже покраснели.

После вдовствующей императрицы девушка поблагодарила государя и князя Мина.

Жун Тянь ответил на такое очень легко, словно эта ситуация была ему знакома, сказав несколько важных слов, наказав поощрять Жун Ху. После настала очередь Фэн Мина. Однако Фэн Мин впервые сталкивался с подобным и, потирая руки, сказал с беспокойством:

— Плохо дело, плохо дело, что же сказать такого хорошего? Я никогда не был почётным гостем на свадьбе. — И с силой взъерошил волосы.

Все надеялись, что князь Мин скажет что-то интересное, и внимательно глядели на него...

Всё же Ле-эр оказался совестнее и, заметив, что юноша волнуется, протиснулся сквозь толпу, сказав:

— Князю Мину не стоит переживать, я могу помочь Вам со словами.

Охранники и Цю Юэ громко рассмеялись:

— Ле-эр, брысь отсюда, если не хочешь всё испортить.

Но Лэ-эр, не взирая на них, для видимости покашлял дважды и, копируя голос Фэн Мина, сказал, серьёзно глядя на Цю Лань:

— Цю Лань не стоит беспокоиться.

Сказав половину, юноша внезапно остановился, замолкая.

Толпа, дослушав до середины и сгорая от нетерпения, стала бранить его:

— Ле-эр, маленький подлец, если говоришь, то договаривай, не нужно держать нас на крючке!

Юноша улыбнулся:

— Цю Лань не стоит беспокоиться, сегодня старший брат уже съел три маленьких пилюли и, несомненно, позволит тебе испытать удовольствие.

Как только слова его стихли, Цю Син и Цю Юэ, покраснев, стали, не особо подбирая выражения, кричать на юношу:

— Ле-эр, умри! Что за вздор ты несёшь? Осторожнее, а то князь Мин надерёт тебе зад!

— Князь Мин ни в коем разе не сможет надрать мне зад!

Подхватив атмосферу праздника, вдовствующая императрица сказала со смехом:

— Если князь Мин не накажет тебя, то это сделаю я. Эй, кто-нибудь, поймайте Ле-эра и сбросьте за борт, позвольте невесте выразить свой гнев.

— Что? — истошно начал вопить Ле-эр.

Из толпы послышались одобрительные возгласы.

Весьма обрадованный Мянью Я сделал шаг вперёд, «исполняя приказ», взял с собой несколько охранников и, схватив Ле-эра, действительно сбросил его за борт.

Бултыхнувшись в воду, юноша поднял множество брызг. Стоящие на палубе люди, поглядев вниз, рассмеялись.

Затем все присутствующие наконец-то приступили к свадебному банкету. Вдовствующая императрица немного выпила вина, поела и, сказав, что здесь слишком шумно, захотела вернуться к себе. Фэн Мин тотчас же проявил преданность родителю, заботливо говоря:

— Я помогу матушке императора вернуться к себе.

— Не стоит. Вдовствующая императрица хочет спокойно вернуться к себе, а если возьмёт с собой князя Мина, то, наоборот, будет неспокойна.

Вновь получив вежливый отказ, Фэн Мину ничего другого не оставалось, как позволить матери императора самостоятельно вернуться в каюту.

Жун Тянь похлопал юношу по плечу:

— Матушка-императрица не злилась, когда уходила, значит, дело пошло на лад.

Толпа, неизвестно почему, вновь разразилась хохотом. Несколько человек обернулись посмотреть на промокшего Ле-эра, который уже взобрался на борт.

После ухода вдовствующей императрицы стеснение прошло, и гулянье стало ещё веселее. Жун Ху, вдоволь побыв находящейся под обстрелом мишенью, непрерывно пил. Мянъ Я, выпив вина, в компании с молодым генералом Цзы Янем вышел вперёд, чтобы поздравить молодожёнов. Ле Чжунлю тоже решил присоединиться к всеобщему веселью и, взяв бокал, с улыбкой сказал:

— Поздравляю! Жениху необходимо обнимать свою красавицу в комнате новобрачных так, чтобы мёртвые позавидовали. И необходимо выпить штрафной бокал в качестве извинения перед некрасивым мужчиной на свете.

Когда этот человек молча стоял в стороне, то выглядел чуточку привлекательнее. Но стоило ему открыть рот и начать болтать попусту, его улыбка в тот же миг стала грязной, похотливой, оставляя плохое впечатление.

Поговорив с Жун Тянем об этом человеке, Цзы Янь решил поглядеть на его манеры и, смело шагнув вперёд, запретил Жун Ху пить, сказав насмешливо:

— Хотите, чтобы жених выпил, тогда нужно подарить ему подарок. Где Ваш подарок?

Ле Чжунлю, не колеблясь, ответил:

— Подарок?! Конечно, есть. Где это видано, чтобы прийти на свадьбу, не приготовив подарка?

Фэн Мин знал, что у этого человека, которого вытащили из воды, кроме обносков, ничего нет. Даже сейчас его переодели в приятные глазу одежды, которые, возможно, Цзы Янь одолжил ему. Пока Фэн Мин предполагал, откуда бы у него взялся подарок, Ле Чжунлю уже опередил его с ответом:

— Мой подарок — один из десяти самых ценных в мире. — Ле Чжунлю высоко поднял голову, демонстрируя довольный вид, и отчётливо объявил: — Это картина, нарисованная знаменитым мастером-живописцем Ле Чжунлю! Ну, какой попало подарок тоже дарить нельзя, остаётся только одно изобразить: жениха или невесту, прошу, выбирайте скорее.

Переодевшись в сухую одежду, Ле-эр прибежал обратно и, услышав ответ Ле Чжунлю, закатил глаза, тихо охнул и сказал:

— Не ты ли со своими-то навыками рисования, не найдя работу, решил от безысходности прыгнуть в реку и утопиться? По-моему, с тебя хватит.

В его словах отчётливо слышалось презрение, которое очень сильно возмутило Ле Чжунлю. Внезапно выпятив грудь, мужчина вытянул шею, ругаясь:

— Ты... ты... ты... ты всё ещё презираешь мои картины, я тогда... я тогда...

— «Ты тогда» что? — лениво спросил Ле-эр.

— Я тогда... — Ле Чжунлю долгое время молчал, то и дело топая ногой, и, придумав, на его взгляд, угрожающие слова, громко произнёс: — Я тогда пойду и утоплюсь! — Такой красивый и готовый сразиться с кем-угодно человек уже в следующий миг стал вести себя, как ребёнок.

— Ле-эр, не нужно шуметь, человек вкладывает в подарок кусочек своей доброты. — Цю Лань, будучи сегодня невестой, выглядела особенно нежной и, тихо укорив Ле-эра, обернулась к Ле Чжунлю, мягко сказав: — Спасибо Вам за подарок, пожалуйста, нарисуйте картину для меня, хорошо?

Ле Чжунлю очень растрогался и неторопливо закивал:

— Хорошо! Хорошо! Моя картина получится очень хорошей, очень хорошей! — Мужчина глядел на Цю Лань, чувствуя, как щиплет в носу. Неожиданно схватив руку девушки, художник залился слезами.

Люди обменялись растерянными взглядами, даже Цю Лань была потрясена и спросила спустя несколько минут:

— Из-за чего Вы плачете? Вспомнилось что-то печальное?

— Печально... печально-о... у-у... — Вытирая одной рукой глаза, а второй крепко вцепившись в руку девушки, Ле Чжунлю долгое время заливался слезами: — Та... такая красавица... неожиданно... неожиданно позволила другому человеку взять себя в жёны... Я-я-я... у-у-у... А я страдаю...

Он, заливаясь горькими слезами, непонятно и сбивчиво говорил. Многие с большим трудом понимали услышанное, часто закатывая глаза.

Жун Ху спешно вызволил руку Цю Лань из плена Ле Чжунлю.

После этого небольшого инцидента толпа вновь вернулась к празднованию. Главное блюдо было убрано со стола, а вместо него подали множество разных лакомств. Охранники, что были полны молодости и сил, не могли насмотреться на сияющую в небе луну, к тому же то и дело, пользуясь случаем, приставали к окружающим их Цю Син и Цю Юэ, вызывая время от времени звонкий и очаровательный протест.

Только обнаживший своё истинное лицо Ле Чжунлю совсем мало обращал внимания на людей. Не зная чувства стыдливости, он не вернулся к себе в комнату с низко опущенной головой, а стоял в стороне, беззаботно и самодовольно смотрел на забавы остальных и набивал рот лакомствами.

Фэн Мин, проведя с Жун Тянем полдня в седле и сильно утомившись, тоже стал мишенью для остальных, что подливали вина ему в бокал. Выпив крепкий алкоголь, юноша ужасно опьянел и, наконец избавившись от усталости, замахал руками, невнятно говоря:

— Разошлись! Разошлись! Жун Ху всё ещё нужно в комнату для новобрачных, позвольте новобрачным вернуться в комнату. — Зевнув, юноша лениво опустил голову на плечо Жун Тяня и невольно печально вздохнул: — Увы, Цю Лань в итоге вышла замуж, и быть может, она больше не будет ухаживать за мной, мыть и прочее? — И не выдержав горести, он вновь слегка затосковал.

Жун Тянь, взяв в руки рассеянное лицо Фэн Мина, прищурил глаза, в которых таился смех, говоря:

— Ухаживать за тобой, мыть и прочее всегда являлось обязанностью императора, какое к этому имеет отношение Цю Лань? — Взяв сидящего за столом Фэн Мина на руки, мужчина громко сказал подданным: — Глубокая ночь, всем разойтись.

Фэн Мин, выпивший несколько бокалов вина, обнял его и всю дорогу непрерывно напоминал Жун Тяню:

— Ты помнишь, что обещал мне, обещал мне, не смей раскаиваться...

— Помню и не раскаиваюсь.

— Не смей лгать, и не нужно полагать, что если я пьяный, то сразу дам себя в обиду.

— Где ты пьяный? Ты вполне трезвый. — Дурачась, Жун Тянь на руках внёс юношу в комнату.

Двое мужчин вернулись очень поздно, а через час небо уже слегка посерело.

Фэн Мин, возможно, из-за слишком много выпитого, спал беспокойным сном, катаясь в кровати из стороны в сторону. Но, вопреки ожиданиям, как только небо рассвело, он тотчас же рассеянно открыл глаза. Вслед за этим последовала головная боль, от которой юноша непрерывно стонал, лёжа неподвижно в постели, к тому же упрямо допрашивая сидящего у изголовья кровати Жун Тяня:

— Что ты делал со мной вчера?

— Ничего не делал, — с невинным видом ответил Жун Тянь.

Только что проснувшийся Фэн Мин совершенно ничего не соображал и, слегка качая головой, огляделся:

— Ничего не делал? Тогда почему у меня всё тело болит?

Жун Тянь поглядел на него. Оказавшись в достаточно безысходном положении, мужчина сел прямо и с горькой улыбкой сказал, глядя на юношу:

— Князь Мин, кажется, запомнил, что вчера слишком много выпил.

Фэн Мин нахмурился и, склонив лежащую на мягкой подушке голову набок, глубоко задумался. Только тогда, выдохнув: «А-а!», юноша пробормотал:

— Кажется, вчера я действительно с вином немного... Жаль... Жаль, а я вчера думал хорошенько обнять тебя... — А после Фэн Мин поднял голову и сказал Жун Тяню: — Подойди.

Мужчина наклонился:

— Зачем?

— Позволь мне немного потрогать. — Не зная, прошло ли действие алкоголя или нет, Фэн Мин нерешительно поднялся, сел рядом с Жун Тянем и, вытянув руки, с неожиданной чрезмерной страстью разорвал его одежду.

На лице была видна рассеянность, пальцы словно тоже перестали слушаться и долгое время путались в складках одежды, так и не развязав очень сложно завязанный пояс Жун Тяня. Жун Тянь, заметив его жалкие попытки ожесточённой борьбы, лишь вздохнул и, легко развязав собственную одежду, с улыбкой сказал:

— Император добровольно вручает своё тело, князь Мин доволен? — Широкие плечи слегка приподнялись, и уже распахнутая верхняя одежда спокойно соскользнула, обнажая сексуальную ключицу.

Находящаяся перед лицом красота, сколько бы Фэн Мин не смотрел, всё же потрясала. После долгого и откровенного любования юноша, обрадованно вытянув руки, крепко обнял Жун Тяня, словно бурого медвежонка, радостно говоря:

— Ты, несомненно, являешься самым красивым мужчиной в Поднебесной. — Фэн Мин, ещё явно не протрезвевший, усевшись поудобнее и скользнув вниз, положил голову на бедро Жун Тяня и без раздумья стал покрывать живот мужчины беспорядочными поцелуями, тёплыми и

влажными губами касаясь кожи около пупка.

Сам же мужчина беззвучно и сокрушённо вздыхал.

Действия Фэн Мина на самом деле ничем не отличались от мотылька, летящего на огонь и ищущего себе погибели. Постыдные места, которые сейчас покрывались поцелуями, могли ли они привести к погибели лишь от одного прикосновения губ?

Если да, то маленький глупец уже был мёртв, так и не осознав этого, и с улыбкой на устах настойчиво соблазнял его.

Жун Тянь, несмотря на свою превосходную выдержку, всё же не был каменным. Как мог хворост под натиском бушующего огня не сгореть?! Красивый мужчина поморщил густые чёрные брови и, коротко взглянув на совершенно безрассудного Фэн Мина, решительно вздохнул, самостоятельно стягивая с себя пояс.

— Упрямец. — Мужчина погладил хмельную голову Фэн Мина, которая непрерывно слегка покачивалась. Жун Тянь понизил тон, сделав его низким и соблазнительным, и ласково произнёс: — Хочешь поцеловать — целуй, ниже можешь не только поцеловать, но ещё и смочить языком, но запомни, не кусай, а-а... — На всегда величественном и точёном лице внезапно появилась недобрая улыбка.

Примечания:

[1] букв. Выдать чашку отвара - взято из истории, когда Сян Юй захватил в плен отца Лю Бана и пригрозил сварить пленника, если Лю Бан не отведет свое войско. Лю Бан ответил: "Пришли мне чашку отвара"; Также означает - получить долю (прибыли, добычи и т. п)

<http://bllate.org/book/13377/1190191>